

Миграционное движение с территории Беларуси на Юг России во второй половине XIX века: контуры проблемы

© В.Н. Сергеев, П.С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, 220006, Республика Беларусь

В настоящее время изучение миграционных процессов в исторической ретроспективе получает все большее распространение, особенно в контексте столь популярной и значимой для историографии молодых государств тематики этнической, национальной и социокультурной идентичности. Одной из ключевых задач белорусской исторической науки в этой связи становится изучение и детальное описание миграции белорусского населения в различные области России, в частности на ее Юг — регион, обладающий притягательностью и своей спецификой, как системного явления, начавшегося во второй половине XIX в. Дана оценка степени разработанности темы, а также определены недостаточно изученные области указанной проблематики.

Ключевые слова: история Беларуси, переселение, Юг России, Кубань, Причерноморье, социокультурная адаптация, межэтническое взаимодействие, национально-культурная идентификация.

Совместное проживание этносов в едином политическом образовании налагает серьезный отпечаток на их отношения. Среди факторов, влияющих на процесс их взаимодействия, можно выделить: наличие и осмысление общей истории в различные периоды; определение степени политического напряжения этносов; динамику и уровень развития хозяйственных связей народов; их взаимное национально-культурное восприятие в свете исторических аналогий и др.

Разумеется, любые контакты начинаются с процесса взаимопознания. Особое значение в этой связи приобретает способность представителей этнических групп получать информацию друг о друге, оценивать ее с той или иной степенью адекватности, формировать взаимные установки и руководствоваться ими в повседневном взаимодействии. С течением времени взаимопознание может нивелироваться до взаимного узнавания, основанного на социальных установках, этнических и социальных идентичностях, различных шаблонах и т. д. В повседневных практиках взаимное (стереотипное) узнавание зачастую облегчает и, что очень важно, ускоряет взаимодействие. Однако не стоит забывать, что в этом случае оно чрезвычайно зависимо от исторического контекста и при определенных обстоятельствах может

приводить к «ментальной» изоляции этносов друг от друга, «закрытой» коммуникации между ними, конфронтации и конфликтам. Во многих очагах этнической напряженности сегодня можно обнаружить элементы «узнавания без взаимопознания» (см., например, исследования Ю.В. Бромлея [1], Ю.В. Хотинца [2], Г.У. Солдатовой [3] и др.). Истоки подобных ситуаций часто лежат в прошлом, в тех периодах, когда этносы, нации, группы впервые непосредственно столкнулись друг с другом и начали формировать общую историю.

Совместная история белорусов и народов России насчитывает не одно столетие. Однако судьба распорядилась так, что отношения между ними в силу политических обстоятельств несколько раз фактически начинались заново.

По-настоящему значимые процессы с точки зрения формирования современных механизмов взаимодействия народов Беларуси и России на территории Беларуси начинаются в XIX в., особенно во второй его половине. Именно в это время начинают формироваться слои национальной интеллигенции, способные выработать относительно независимый от политической конъюнктуры образ национальной истории, в котором значительную роль играют сюжеты, связанные с Россией. В указанный период складываются предпосылки для создания единой системы образования, охватывающей все более широкие слои населения. Через систему образования государственные структуры получают возможность транслировать сравнительно единообразную информацию, способствующую выработке более «современных» («национальных») механизмов идентификации.

Социально-экономические процессы данного периода способствуют и развитию активной внутренней трудовой миграции в рамках Российской империи. Миграционные, переселенческие процессы делают проблему этнического узнавания и взаимопознания наиболее острой: ведь переезд на долгий срок в новые условия и адаптация к ним требуют постоянного процесса «подтверждения» существующей или формирования новой идентичности. Кроме того, именно в случае переселения особенно рельефно проявляются стереотипные способы восприятия представителями различных этносов друг друга, а процесс взаимопознания является тем способом адаптации, который позволяет избегать этнических конфликтов и взаимного неприятия (о психологических механизмах взаимопознания см., например, работы В.Н. Панферова [4] и др.).

Изучение и детальное описание миграции белорусского населения в соседнюю страну, выявление тех механизмов идентификации и процессов этнического узнавания, которые это переселение сопровождали, далеко не завершено и является важной задачей современной белорусской исторической науки.

Предметная область. Проблема переселенческого движения лежит в плоскости более общих вопросов, затрагивающих все виды миграционных процессов. Однако в рассматриваемом случае речь идет о добровольном организованном движении в границах государства (но за границы региона) отдельных домохозяйств с перемещением на территорию пребывания на постоянный срок. За рамками исследования остаются вопросы специализированных программ переселения (об этом см., например, работы А.К. Бендина [5], Н.И. Бондаря [6], Л.В. Триуса [7], Б.Е. Фролова [8] и др.), временных перемещений в связи со службой или необходимостью заработка, так называемое «ходачество», миграция сельского населения в города своего региона, проблема беженцев, нелегальной миграции (в случае прямого запрета на перемещение) и т. д.

Как известно, география миграционных потоков с территории Беларуси достаточно разнообразна. В данном случае рассматривается переселение с белорусских земель на Юг России (Кубань, Северный Кавказ и т. п.). Указанный регион чрезвычайно интересен благодаря двум аспектам.

Во-первых, переселенческое движение на Юг России не было специфически «белорусским» явлением, а протекало в рамках колонизации указанных территорий, недавно присоединенных к Российской империи.

Во-вторых, отличительной чертой указанного процесса было то, что на территории Юга России присутствовало сравнительно многочисленное местное (полиэтническое) население, и переселенцы с территории Беларуси шли параллельными или совместными потоками с волнами мигрантов из европейской части России. При этом представители более ранних переселенческих «волн» зачастую воспринимали вновь прибывающих мигрантов с позиций старожилов, что дополнительно усложняло систему социальных отношений в регионе.

Историография проблемы. Переселенческое движение населения Беларуси на Юг России исследовано в значительно меньшей степени, чем миграция в Сибирь и другие регионы (П.Д. Верещагин [9], А.А. Кауфман [10], В.В. Покшишевский [11], Н.С. Сташкевич и др. [12]).

Особенности подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., изменившей правовое положение и, соответственно, степень мобильности крестьянства, нашли отражение в работах М. Фридман [13], Н. Улащика [14], Л.П. Липинского [15]. Авторы подчеркивали прямую корреляцию между правовым содержанием реформ 60–70-х гг. XIX в. и активизацией миграционных процессов. Л.П. Липинский раскрыл некоторые аспекты проведения столыпинской аграрной реформы в Беларуси, связанные с переселением белорусского крестьянства в Сибирь [16]. Количество, структура, естественный

прирост и другие характеристики населения по переписи 1897 г. и следующих советских переписей нашли отражение в работах А.А. Ракова [17, 18].

Значительный интерес с точки зрения истории миграций белорусского населения представляет работа П.Д. Верещагина, исследовавшего процессы крестьянского переселения во второй половине XIX в. [19]. По подсчетам автора, за указанный период из Беларуси в Россию, преимущественно за Урал, переселилось около 1 миллиона человек. Исследователь впервые раскрыл механизм организации переселенческих процессов, осуществленной самодержавной властью, проследил динамику переселений, особенно в последние годы XIX в., выяснил некоторые проблемы адаптации переселенцев к новым условиям, обратил внимание и на так называемое «обратничество» (возвращение крестьян в родные места). П.Д. Верещагин пришел к выводу, что крестьянские движения за переселение стали закономерным следствием социального и экономического положения основной части белорусской пореформенной деревни, выливались в форму стихийного социального протеста.

Появились работы, содержащие интересный фактический материал по истории белорусов Кубани, имеющий важное методологическое значение. Во многом уникальные данные содержатся в статье Н.И. Бондарь, О.В. Матвеева, В.Н. Ракачева, опубликованной в сборнике «Мир славян Северного Кавказа» [20]. Авторы привели сведения о росте численности белорусов на Кубани, начиная с конца XIX в. и до конца 80-х гг. XX в., динамике их социального состава. Исследованы некоторые важные аспекты взаимоотношений приехавших белорусов и местного населения.

Несмотря на наличие в историографии работ, проливающих свет на заявленную проблему, в ней остается еще масса белых пятен, ожидающих своего исследователя (примеры наиболее важных, с нашей точки зрения, вопросов — в выводах статьи). Одной из причин такого положения дел являются, на наш взгляд, методологические ограничения, в разное время существовавшие в белорусской историографии: классовый подход, исключавший саму постановку вопроса по многим аспектам темы, акцент на чисто событийное описание миграций, вторичность переселенческой тематики и т. д.

Исследовательский подход. Эффективность анализа обозначенной проблемы, по нашему мнению, существенно возрастает в случае совмещения исторического и социологического подходов. Исторический подход к миграциям основан на поиске и сопоставлении данных, позволяющих судить о составе мигрантов, причинах переселений и особенностях освоения на новом месте в контексте взаимодействия внутри триады «мигрант — государство — местное население» [21]. Он исключает прогностику, глубокий структурный анализ миграционных

процессов и построение теорий, но при этом ориентирован на всестороннюю оценку реального поведения конкретных людей и групп прошлого с опорой на источниковую базу, лежащую вне сферы интересов других подходов к проблеме [22]. Наполнение этой базы происходит за счет широкого спектра данных о событийной составляющей миграций, введенных в научный оборот именно благодаря историкам: информации переписей, метрических книг различного толка, статистики, деклараций, пласта эпистолярных источников и др.

В рамках социологического подхода анализу подвергаются вопросы адаптации переселенцев к новым условиям, проблемы взаимодействия с местным населением, вопросы идентификации и др.

С учетом отмеченного круг общих вопросов историко-социологической оценки переселенческих процессов должен включать следующие позиции:

- а) политико-правовой, социально-экономический и исторический (событийный) контекст переселенческих процессов;
- б) причины и мотивы миграции (в данном случае ее конкретного вида — переселения);
- в) условия и способы адаптации мигрантов к иной географической и этнокультурной среде;
- г) трансформация этнической идентичности у различных поколений мигрантов.

Как видно из приведенного перечня, лишь первый вопрос является историческим в строгом смысле. Поиск ответов на остальные вопросы предполагает опору на инструментарий других дисциплин, а само исследование становится междисциплинарным.

Источниковая база. Административными органами пореформенной России, регулируемыми в том числе вопросы внутренней трудовой миграции (в частности, переселения домохозяйств), были губернские и уездные (по крестьянским делам) присутствия, пережившие несколько реорганизаций [23]. Данные, касающиеся белорусских переселенцев (прежде всего обстоятельств и условий отъезда), содержатся в фондах Национального исторического архива Республики Беларусь. В частности, фонд 242 (Минское губернское по крестьянским делам присутствие) содержит документы о переселении из Минской губернии за период с 1861 по 1901 гг. [24]; фонд 1595 — данные по Минской губернии, начиная с 1902 гг. [25]. Фонд 2014 (Могилёвское по крестьянским делам присутствие) содержит, кроме прочего, материалы о переселении из Могилёвской губернии за период с 1861 по 1917 г. [26]; фонд 1416 (Витебское губернское присутствие) содержит данные за период с 1861 по 1917 г. [27]. К наиболее распространенным документам, позволяющим судить о переселенческих процессах с территории Беларуси, относятся ходатайства, отчеты чиновников о ситуации в регионе, письма, циркуляры и пр.

Причины переселений, их политический и нормативно-правовой контекст. Начало периода неофициального самостоятельного переселенческого движения фактически положил Манифест от 19 февраля 1861 года. Причины миграций достаточно хорошо исследованы (А.А. Кауфман [28], П.Д. Верещагин [29] и др.) и на протяжении всего периода практически не менялись. На первом месте находятся социально-экономические факторы: бедность, малоземелье, периодические неурожаи и т. д.

Одним из существенных моментов всего периода является некоторая непоследовательность центральных властей в отношении переселенческого движения. Об этом свидетельствует история правового регулирования вопроса, в которой присутствуют как законодательные акты, свидетельствующие о желании сделать переселение контролируемым (при осознании его неизбежности и/или необходимости), так и документы, фактически ему препятствующие.

В частности, первую тенденцию отражали:

- Указ императора Александра II от 10 мая 1862 г. о заселении предгорий западной части Кавказа семейными добровольцами всех сословий и закон о заселении Амурской области 1866 г.;

- Решение Главного комитета об устройстве сельского состояния о переселении батраков и бобылей некоторых уездов Западных губерний на казенные земли Сибири (утверждено императором 5 ноября 1864 г.);

- Циркуляр Министерства внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные казенные земли» от 13 апреля 1868 г. По этому циркуляру право на переселение получили все категории крестьян с предварительного разрешения правительства. Обнародование этого циркуляра вызвало резкий рост переселенческого движения, в том числе и в Беларуси.

Выражением ограничительной тенденции стали:

- Циркуляр Министерства внутренних дел от 4 мая 1868 г., который предписывал губернаторам ограничивать переселенческие настроения крестьян, что стало реакцией на неспрогнозированный масштаб переселения и опасения разрастания процесса в связи с истечением в 1870 г. 9-летнего срока временнообязанного состояния крестьян;

- Специальный циркуляр Министерства внутренних дел от 5 ноября 1868 г., приостанавливающий действие циркуляра от 13 апреля 1868 г.

В целом до конца 1870-х годов ситуацию определяло отсутствие единого непротиворечивого переселенческого законодательства. Лишь 10 июля 1881 г. министром внутренних дел было официально разрешено

утверждать ходатайства о переселении при определенных условиях (экономическая необходимость), а сам закон о переселении был утвержден 13 июня 1889 г. (дополнен и видоизменен законами от 15 марта и 27 декабря 1896 г., фактически отменен 6 июня 1904 г. новым законом «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев»).

Однако и с этого момента действия центральных властей сложно назвать последовательными и системными: с одной стороны, правительство отказалось внедрять практику принудительного возвращения переселенцев (что говорит о признании результатов миграций); с другой стороны, попытки рационализировать и организовать переселенческое движение привели к введению имущественного ценза («переселенческий капитал» должен был составлять от 125 рублей совокупной стоимости проданного на родине имущества) и чрезвычайной бюрократизации всего процесса (утверждение решения о переселении проходило по сложной цепочке: прошение губернатору — поручение местному земскому начальнику высказать свое мнение — согласование в Переселенческом управлении МВД России в Петербурге [30]).

Указанные решения продемонстрировали, помимо прочего, расхождение ведомственных интересов западных и южных губернских властей. Если первые опасались оттока рабочей силы и снижения доли православного населения, то вторые, испытывая острую нехватку рабочих рук, были заинтересованы в переселенцах. С другой стороны, помещики западных и центральных губерний видели в миграции и способ решения социальных проблем, что стало особенно заметно на рубеже 70–80-х гг. XIX в., когда наметился рост крестьянского недовольства малоземельем, выплатами за используемую землю, передачей так называемых «отрезков» в пользу помещиков.

Исторический контекст региона. Юг России относился к недавно присоединенным к Российской империи землям. Вся первая половина XIX века проходила в русле так называемой военно-казачьей колонизации, которая выражалась в создании защитного пояса казачьих поселений (Кавказская линия) с целью защиты территорий от горских этносов (адыги, черкесы и др.) и освоения присоединенных территорий [31]. К середине 1860-х годов активная фаза военно-казачьей колонизации завершилась, горские народы были частично ассимилированы, частично мигрировали на территорию Османской империи, частично адаптировались к ситуации, обретя правовые гарантии своей жизнедеятельности [32]. Перед российским руководством встал вопрос о дальнейшем освоении региона (за счет миграций из европейской России и Украины и насыщении южных губерний «русским

элементом») [33]. Однако логика военно-казачьей колонизации продолжала сказываться и нашла отражение в упомянутом законе 10 мая 1862 г., в котором вновь прибывающие поселенцы относились к категории «иногородних» [34]. В плане экономических прав (прежде всего вопросов собственности) последние были несколько дискриминированы казачьим «лобби» и горскими общинами. Во многих случаях переселенцы фактически арендовали у них землю [35–37].

Тем не менее в 60–70-е гг. XIX века переселенческое движение на Юг России явно доминирует над переселением за Урал.

Окончательные и систематизированные данные о точном количестве белорусского населения Юга России и всех обстоятельствах миграций в регион до сих пор не введены в научный оборот. Сравнительно хорошо изучено лишь белорусское сообщество на территории Кубанской области и Черноморской губернии [38].

В частности, согласно данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Кубанской области проживало 12 356 человек с родным белорусским языком (что, очевидно, не соответствует числу реальных выходцев с территории Беларуси в силу специфики критерия — *примеч. авт.*). В Черноморской губернии белорусы составляли 1,2 % всех жителей (659 человек). В силу того, что и Кубанская область, и Черноморская губерния были вновь заселяемыми окраинами, здесь преобладало мужское население, так как обычно основную часть переселенцев составляют мужчины. Это справедливо и в отношении белорусов. В Кубанской области на 100 мужчин приходилось 89 женщин. В Черноморской губернии дисбаланс был еще более заметен, здесь на 100 мужчин приходилось 29 женщин (что позволяет судить о разнице количества переселившихся домохозяйств и индивидуальных миграций — *примеч. авт.*). В структуре занятости доминировали земледелие (Кубанская область) и промышленность (Черноморская губерния) [39].

Социокультурная адаптация, идентификация и «узнаваемость» белорусских переселенцев. Имеющиеся данные позволяют сделать лишь предварительные выводы о характере социокультурной адаптации белорусов в новой среде, особенностей их самоидентификации, механизмах межэтнического взаимопознания и стереотипах узнавания. Большинство проблем переселенцев носили преимущественно экономический характер, независимо от того, меняли ли белорусские переселенцы характер занятости.

В настоящее время отсутствует информация, позволяющая констатировать у белорусских мигрантов столь характерную для этнических меньшинств стратегию пассивной или агрессивной автаркии (создание изолированной, ограниченной только этнически «своими», культурной среды, существующей пассивно или предпринимающей попытки колонизации) [40]. Одной из причин этого является, вероятно, чрезвы-

чайная полиэтничность региона и, соответственно, отсутствие на тот момент монолитного этнического большинства (т. е. четко выраженных очертаний «чужих»), настроенного на давление и ассимиляцию. Этот же фактор позволяет определить Юг России как регион с высокой кризисогенностью, что делало рискованной любую политику централизованной жесткой культурной унификации.

На основании данных о предшествующих периодах переселения и выявленных в этой связи особенностях существования белорусов в родственной этнической среде можно предположить ориентацию части белорусских переселенцев на частичную добровольную ассимиляцию в пользу этносов с наименьшей социальной дистанцией от них (в случае занятости вне сельского хозяйства) или интеграцию в новую социокультурную среду. В частности, характеризуя черты этнокультурного облика жителей белорусских уездов Черниговской губернии, М. Домонтович писал: «Белорусы почти вполне приняли сущность коренных малороссийских обычаев, но переложили их на свой язык, придали им отчасти белорусскую форму. Смысл свадебных обрядов, например, совершенно украинский, — разница только в том, что песни при этом поются белорусским наречием. Некоторые малороссийские обычаи здесь даже сохраняются гораздо полнее, чем в других местах Малороссии. Так, старинный малороссийский обычай *свечи* и *канунов* храмового праздника всё более и более изглаживается из памяти народной в южных уездах губернии, между тем как черниговскими литвинами сохраняется вполне» [41].

В любом случае можно утверждать, что переселенцы с белорусских земель, как правило, идентифицировали себя достаточно слабо, демонстративно не подчеркивали свои особенности и в определенной степени терялись на фоне более «пассионарных» этносов. Этот факт, помимо прочего, затрудняет установление четкой этнической принадлежности выходцев с территории Беларуси (факт происхождения с территории Беларуси определяется точкой отправления, этническая же принадлежность косвенно выводится из сословной, при учете самоименования, антропонимики, языковых и других маркеров). Однако утверждать, что выходцы из Беларуси культурно «растворялись» в новой для себя среде, также неверно. О сохранении некоей доли самоопределения свидетельствует то, что в отношении белорусов существуют определенные практики их «узнавания» и «называния» другими этносами.

Например, в статистико-этнографическом описании станицы Николаевской, составленном в 1883 г., указывается, что язык местных жителей «разделяется на три наречия: малороссийское, великороссийское и белорусское». О материальной культуре тот же источник скупко сообщал, что «белорусы преимущественно живут в бедных

хижинах, в домах у них часто ночуют телята, овцы и домашняя птица» (то же самое можно сказать о большинстве казачьих семейств). Об одежде, особенностях системы питания, обрядности трудно судить, поскольку в общих обзорах иногороднего восточнославянского населения белорусы практически не выделялись, да и не стремились выделяться [42].

На основании приведенных данных можно сделать ряд предварительных выводов.

Переселенческое движение с территории Беларуси на Юг России является заметной страницей истории народов двух стран. По имеющимся данным, масштаб переселения на протяжении второй половины века менялся и в третьей его четверти преобладал над миграциями в Сибирь. Вместе с тем количество переселенцев с территории Беларуси на Юг России до конца не установлено. Данные первой Всероссийской переписи населения классифицируют белорусов по критерию языка, причем до конца не ясно, было ли отнесение к соответствующей категории актом самоидентификации или волей переписчиков. Кроме того, представители иных этносов, переселившиеся с территории Беларуси, люди с ярко выраженной религиозной идентичностью, индивидуальные мигранты могли быть по разным причинам отнесены к другим категориям. Все это подчеркивает необходимость дальнейших исследований по сопоставлению количества номинальных и реальных выходцев с территории Беларуси.

К настоящему времени считается установленным, что главными мотивами к переселению были социально-экономические. Однако недостаточно изучены факторы, непосредственно стимулировавшие переселенческие настроения конкретных семей и домохозяйств, выбор направления миграций, сами обстоятельства перемещения, первичные условия жизни на новом месте, способы адаптации к ним и многие другие вопросы, ранее находившиеся вне поля исследовательского интереса.

Требуется дальнейшего исследования вопрос о том, насколько при выявленной пассивной идентификации сохранялась изначальная, собственно белорусская идентичность, что она структурно и содержательно собой представляла и какова роль в ее сохранении (модификации) этнических соседей белорусских переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бромлей Ю.В. *Очерки теории этноса*. Москва, Изд-во Либроком, 2012, 440 с.
- [2] Хотинец В.Ю. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2000, 240 с.
- [3] Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности*. Москва, Смысл, 1998, 389 с.

- [4] Панфёров В.Н. Когнитивные эталоны и стереотипы взаимопознания людей. *Вопросы психологии*, 1982, № 5, с. 139–141.
- [5] Бендин А.К. *К вопросу о формировании этнической идентичности белорусов в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.)*. URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/667-xix-xx-148.html> (дата обращения 22.08.2012).
- [6] Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани. *Кубанский краевед (ежегодник)*, вып. 2, Краснодар, 1990, с. 125–147.
- [7] Триус Л.В. Создание на Северном Кавказе зоны межэтнического взаимодействия горцев, казаков и российских переселенцев (конец XVIII — начало XIX вв.). *Университетские чтения — 2009: 12–13 января 2009 г.: [материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ]*, Пятигорск, Изд-во ПГЛУ, 2009, Ч. XII, с. 233–238.
- [8] Фролов Б.Е. Переселение Черноморского казачьего войска на Кубань. *Historia saukasica: Региональный исторический сборник научных статей*, вып. 4. Колесов В.И., ред. Краснодар, 2005, с. 81.
- [9] Верещагин П.Д. *Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.)*. Минск, Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978, 144 с.
- [10] Кауфман А.А. *Переселение и колонизация*. Москва, Либраком, 2012, 448 с.
- [11] Покшишевский В.В. *Заселение Сибири (историко-географические очерки)*. Иркутск, Иркутское обл. гос. изд-во, 1951, 208 с.
- [12] Лапин В.Р., Сташкевич Н.С., ред. *Белорусы в Сибири*. Сб. науч. ст. Вып. 1-2. Новосибирск, СО РАН, 2000, 116 с.
- [13] Фридман М.Б. *Отмена крепостного права в Белоруссии*. Минск, Изд-во Белорус. ун-та, 1958, 202 с.
- [14] Улащик Н.Н. *Предпосылки крестьянской реформы 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии*. Москва, Наука, 1965, 479 с.
- [15] Липинский Л.П. *Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.)*. Минск, Наука и техника, 1971, 254 с.
- [16] Там же, с. 34.
- [17] Раков А.А. *Белоруссия в демографическом измерении*. Минск, Б-ка «Голас Радзімы», 1974, 128 с.
- [18] Раков А.А. *Население БССР*. Минск, Наука и техника, 1969, 221 с.
- [19] Верещагин П.Д. Указ. соч.
- [20] Бондарь Н.И., Матвеев О.В., Ракачев В.Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы. *Мир славян Северного Кавказа*, вып. 4. О.В. Матвеев, науч. ред., сост. Краснодар, Эдви, 2008, 375 с.
- [21] Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Огороков А.В. *Эмиграция и репатриация в России*. Москва, Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001, 490 с.
- [22] Бреттелл К., Холлифилд Дж. *Теория миграций. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие*. Москва, Центр миграционных исследований, 2007, с. 37.
- [23] Жданович Л.Н. Учреждения по крестьянским делам в пореформенной России. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Вып. 12, 2012, с. 20–25.
- [24] НИАРБ. Фонд 242. *Минское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1, Д. 242*.
- [25] НИАРБ. Фонд 1595. *Минское губернское присутствие. Оп. 1 Д. 73, Д. 275, Д. 278, Д. 526, Д. 275, Д. 276, Д. 669, Д. 674, Д. 675, Д. 705*.

- [26] НИАРБ. Фонд 2014. Мозилёвское губернское присутствие. Оп. 1. Д. 655–657, Д. 659–662.
- [27] НИАРБ. Фонд 1416. Витебское губернское присутствие. Оп. 6. Д. 557.
- [28] Кауфман А.А. Указ. соч.
- [29] Верещагин П.Д. Указ. соч.
- [30] Кауфман А.А. Указ. соч., с. 127.
- [31] Бурькина Л.В. Расширение военно-казачьей колонизации на Кавказской линии в 90-е г. XVIII в. — 60-е г. XIX в. *Вестник Адыгейского государственного университета*, вып. 2, 2006, с. 20–24.
- [32] Там же.
- [33] Шебзухова Ф.Х., Мальцев В.Н. Северо-Западный Кавказ в составе Российской империи: от военного покорения к поиску путей интеграции и осуществления аграрных преобразований. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, вып. 3, 2012, с. 52–58.
- [34] Беликов А.В. Иногороднее население Кубанской области во второй половине XIX века в дореволюционной отечественной историографии. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, вып. 2, 2008, с. 32–38.
- [35] Беликов А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, вып. 2, 2007, с. 20–26.
- [36] Бурькина Л.В. Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в пореформенный период. *Вестник Адыгейского государственного университета*, вып. 1, 2005, с. 58–64.
- [37] Гранкин Ю.Ю. Колонизационное освоение Северного Кавказа в пореформенный период. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, вып. 132, 2011, с. 22–32.
- [38] Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани. *Кубанский краевед. Ежегодник*, вып. 2. Краснодар, 1990, с. 125–147.
- [39] Там же, с. 136–137.
- [40] Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., О कोरोков А.В. Указ. соч.
- [41] Домонтович М. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния*. Составил Генерального штаба подполковник М. Домонтович. Санкт-Петербург, 1865, 732 с.
- [42] Бондарь Н.И. Указ. соч., с. 131.

Статья поступила в редакцию 07.04.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Сергеев В.Н., Крючек П.С. Миграционное движение с территории Беларуси на Юг России во второй половине XIX века: контуры проблемы. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 2. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/170.html>

Сергеев Всеволод Николаевич родился в 1980 г. Канд. ист. наук, ассистент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Республика Беларусь. Научные интересы: методологические вопросы гуманитарных наук, социальная психология, политическая психология, социальная антропология. e-mail: v.n.sergeev@gmail.com

Крючек Петр Степанович родился в 1968 г. Канд. ист. наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Республика Беларусь. Научные интересы: проблема становления белорусской государственности, историография истории Беларуси, миграции с территории Беларуси на Юг России. e-mail: Pit68@tut.by

Migratory movement from Belarus to South Russia in the second half of the XIX century: the problem outlines

© V.N. Sergeev, P.S. Kryuchek

Belarussian State Technological University, Minsk, 220006, Republic of Belarus

The current study of migration processes in historical perspective is becoming more common. Especially it is important in the context of such a popular and meaningful for historiography of young countries subject of ethnic, national and socio-cultural identity. One of the key tasks of the Belarussian historical science in this regard is the study and detailed description of the Belarussian population migration in different regions of Russia, in particular its South — a region having its own specific character and appeal. As a systemic phenomenon it began in the second half of the XIX century. This work evaluates how developed the theme, as well as identifies poorly understood areas of the mentioned issues.

Keywords: *history of Belarus, resettlement, South Russia, Kuban, the Black Sea area, sociocultural adaptation, interethnic interaction, national and cultural identity.*

REFERENCES

- [1] Bromlei Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 440 p.
- [1] Khotinets V.Yu. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000, 240 p.
- [2] Soldatova G.U. *Psikhologiya mezhetnicheskoi napryazhennosti* [Psychology of ethnic tensions]. Moscow, Smysl Publ., 1998, 389 p.
- [3] Panferov V.N. *Voprosy psikhologii — Psychology issues*, 1982, no. 5, pp. 139–141.
- [4] Bendin A.K. *K voprosu o formirovanii etnicheskoi identichnosti belorussov v Rossiyskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [On the formation of ethnic identity of Belarusians in the Russian Empire (the second half of XIX — early XX centuries)]. Available at: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/667-xix-xx-148.html> (accessed 22 August, 2012).
- [5] Bondar' N.I. *Kubanskiy kraeved — Kuban ethnographer*. Yearbook, iss. 2. Krasnodar, 1990, pp. 125–147.
- [6] Trius L.V. *Sozdanie na Severnom Kavkaze zony mezhetnicheskogo vzaimovliyaniya gortsev, kazakov i rossiyskikh pereselentsev (konets XVIII — nachalo XIX vv.)* [Creating the area of interethnic mutual influence of Highlanders, Cossacks and Russian immigrants in the North Caucasus (end of XVIII — early XIX centuries)]. *Universitetskie chteniya 2009, 12–13 January, 2009, materialy nauch.-metod. chteniy PGLU* [University reading, materials of sci.-method. conf. in PSLU], Piatigorsk, PSLU Publ., 2009, part XII, pp. 233–238.
- [7] Frolov B.E. *Pereselenie Chernomorskogo kazach'ego voyska na Kuban'* [Relocation of the Black Sea Cossack Army in the Kuban]. *Historia caucasica: Regional'nyi istoricheskiy sbornik nauchnykh statei* [Regional Historical collection of scientific articles], iss. 4. Kolesov V.I., ed. Krasnodar, 2005, pp. 81.

- [8] Vereshchagin P.D. *Krest'yanskije pereseleniya iz Belorussii (Vtoraya polovina XIX v.)* [Peasant resettlement of Belarus (second half of the XIX century)]. Minsk, Belarus, State Univ. Publ., 1978, 144 p.
- [9] Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. Moscow, Librakom Publ., 2012, 448 p.
- [10] Pokshishevskiy V.V. *Zaselenie Sibiri. Istoriko-geograficheskie ocherki* [Siberia settlement. Historical geographical essays]. Irkutsk, Irkutsk reg. state publ., 1951, 208 p.
- [11] Lapin V.R., Stashkevich N.S., *Belorusy v Sibiri. Sb. nauchnykh statei* [Belarusians in Siberia. Collected articles], iss. 1-2. Novosibirsk, SB RAS, 2000, 116 p.
- [12] Fridman M.B. *Otmena krepostnogo prava v Belorussii*. [The abolition of serfdom in Belarus]. Minsk, Belarus. Univ. Publ., 1958, 202 p.
- [13] Ulashchik N.N. *Predposylki krest'yanskoj reformy 1861 g. v Litve i Zapadnoi Belorussii*. [The peasant reform background of 1861 in Lithuania and Western Byelorussia]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 479 p.
- [14] Lipinskiy L.P. *Razvitie kapitalizma v sel'skom hozyajstve Belorussii (Vtoraya polovina XIX v.)* [The development of capitalism in agriculture of Belarus (the second half of the nineteenth century.)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971, 254 p.
- [15] Lipinskiy L.P. *Razvitie kapitalizma v sel'skom hozyajstve Belorussii (Vtoraya polovina XIX v.)* [The development of capitalism in agriculture of Belarus (the second half of the nineteenth century.)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1971, pp. 34.
- [16] Rakov A.A. *Belorussiya v demograficheskom izmerenii* [Belarus in the demographic dimension]. Minsk, B-ka «Golas Radzimy» Publ., 1974, 128 p.
- [17] Rakov A.A. *Naselenie BSSR*. [Population of Byelorussia]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1969, 221 p.
- [18] Vereshchagin P.D. *Ukaz. soch.* [Selected work].
- [19] Bondar' N.I., Matveev O.V., Rakachev V.N. *Materialy k istoriko-etnograficheskomu spravochniku «Narody Kubani»*. Belorusy [Materials to the historical ethnographic reference book "Peoples of Kuban": Belarusians.]. *Mir slavjan Severnogo Kavkaza* [The world of Slavs in North Caucasus], iss. 4. O.V. Matveev, sci. ed. Krasnodar, «Edvi» Publ., 2008, 375 p.
- [20] Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. *Emigratsiya i repatriatsiya v Rossii* [Emigration and repatriation in Russia]. Moscow, Russian Fund for Assistance to returnees, 2001, 490 p.
- [21] Brettell K., Khollifild Dzh. *Teoriya migratsiy. Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov* [Theory of migration. Methodology and methods of studying migration processes]. Moscow, Center of Migration Studies, 2007, p. 37.
- [22] Zhdanovich L.N. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta — Herald of Kant Baltic Federal University*, iss. 12, 2012, pp. 20–25.
- [23] NIARB. *Fond 242. Minskoe gubernskoe po krest'yanskim delam prisustvie* [National historical archive of Belarus Republic. Fund 242. Minsk provincial peasant affairs]. Op. 1, D. 242.
- [24] NIARB. *Fond 1595. Minskoe gubernskoe prisustvie* [National historical archive of Belarus Republic. Fund 242. Minsk provincial presence]. Op. 1 D. 73, D. 275, D. 278, D. 526, D. 275, D. 276, D. 669, D. 674, D. 675, D. 705.
- [25] NIARB. *Fond 2014. Mogilevskoe gubernskoe prisustvie* [National historical archive of Belarus Republic. Fund 2014. Mogilev provincial presence.] Op. 1. D. 655 – 657, D. 659–662.
- [26] NIARB. *Fond 1416. Vitebskoe gubernskoe prisustvie* [National historical archive of Belarus Republic. Fund 1416. Vitebsk provincial presence]. Op. 6. D. 557.

- [27] Kaufman A.A. *Ukaz. soch* [Selected work].
- [28] Vereshchagin P.D. *Ukaz. soch* [Selected work].
- [29] Kaufman A.A. *Ukaz. soch.*, s. 127 [Selected work, p. 127].
- [30] Burykina L.V. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Adyghe State University*, iss. 2, 2006, pp. 20–24.
- [31] The above mentioned work.
- [32] Shebzukhova F.Kh., Mal'tsev V.N. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Adyghe State University*, Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies, iss. 3, 2012, pp. 52–58.
- [33] Belikov A.V. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Adyghe State University*, Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies, iss. 2, 2008, pp. 32–38.
- [34] Belikov A.V. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Adyghe State University*, Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies, iss. 2, 2007, pp. 20–26.
- [35] Burykina L. V. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of Adyghe State University*, iss. 1, 2005, pp. 58–64.
- [36] Grankin Yu.Yu. *Izvestia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, iss. 132, 2011, pp. 22–32.
- [37] Bondar' N.I. *Kubanskiy kraeved — Kuban ethnographer*. Yearbook, iss. 2, Krasnodar, 1990, pp. 125–147.
- [38] Bondar' N. I. *Kubanskiy kraeved — Kuban ethnographer*. Yearbook, iss. 2, Krasnodar, 1990, pp. 136–137.
- [39] Iontsev V.A., Lebedeva N.M., Nazarov M.V., Okorokov A.V. *Ukaz. soch*. [Selected work].
- [40] Domontovich M. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Chernigovskaya guberniya* [Materials for Geography and Statistics of Russia collected by officers of the General Staff. Chernihiv province]. Sostavil General'nogo shtaba podpolkovnik M. Domontovich [Written by the general staff, lieutenant colonel M. Domontovich]. St. Petersburg, 1865, 732 p.
- [41] Bondar' N. I. *Ukaz.soch*. [Selected work], pp. 131.

Sergeev V.N. (b. 1980), Ph.D., Assoc. Professor of the History and Political Science Department of Belarusian State Technological University. Research interests include methodological issues in humanities, social psychology, political psychology, social anthropology. e-mail: vnsergeev@gmail.com

Kriuchek P.S. (b. 1968), Ph.D., Assoc. Professor of the History and Political Science in Belarusian State Technological University. Research interests include the problem of the Belarusian statehood formation, historiography of Belarus, history of migration from Belarus to South Russia. e-mail: Pit68@tut.by